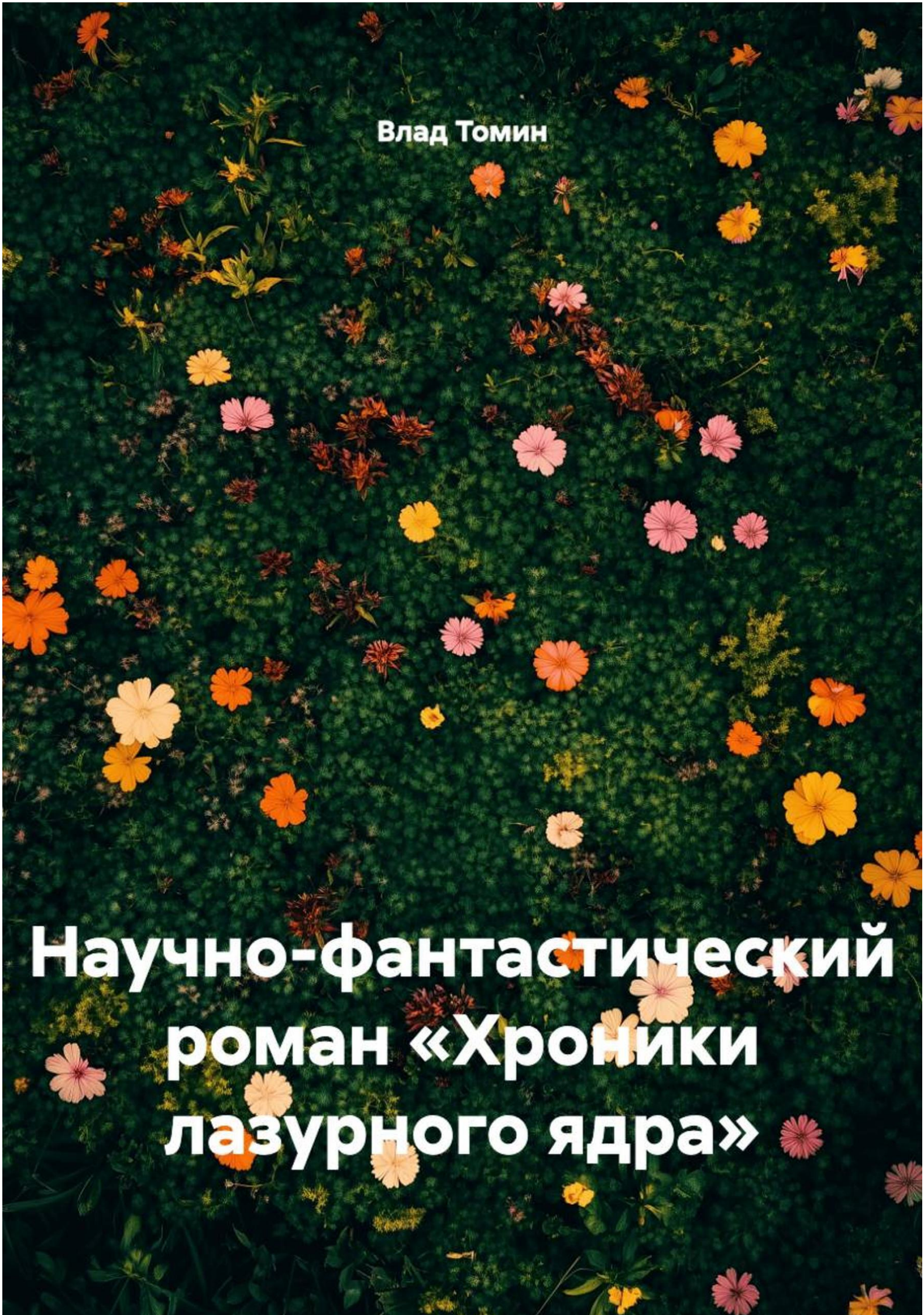

Влад Томин
Научно-фантастический роман «Хроники лазурного ядра»

Влад Томин

Научно-фантастический роман «Хроники лазурного ядра»

«Автор»
2026

Томин В.

Научно-фантастический роман «Хроники лазурного ядра» / В. Томин — «Автор», 2026

Что делать, если в твое сердце вшит инопланетный кристалл, способный управлять пространством, а на тебя охотятся лучшие штурмовые группы Пентагона? Молодой геолог Максим оказывается в эпицентре жесткого противостояния ЦРУ и ФСБ. Но когда неизвестные террористы решают взорвать Йеллоустоунский супервулкан и погрузить планету во тьму, вчерашним смертельным врагам приходится встать плечом к плечу. Остросюжетный фантастический детектив, где шпионский реализм переплетается с тайнами вселенной.

© Томин В., 2026
© Автор, 2026

Научно-фантастический роман «Хроники лазурного ядра»

Научно-фантастический роман «Хроники лазурного ядра»

Глава 1. Последний маршрут

Сентябрь на плато Путорана не прощает ошибок. Ветер, прилетающий со стороны Карского моря, резал лицо мелкими иглами ледяной крупы. Максим бросил в костер охапку сухих веток лиственницы. Пламя жадно лизнуло древесину, бросая оранжевые блики на суровые базальтовые скалы.

Сезон экспедиции закончился. Вертолет с группой улетел три дня назад, увозя коллег на материк, но Максим намеренно выпросил у руководства разрешение остаться еще на неделю — якобы для консервации базового лагеря у озера и финального описания выходов рудной жилы. На самом деле ему просто нужно было побыть одному.

Он любил эту глушь за абсолютную, звенящую тишину. Здесь, на сотни километров вокруг, не было ни одного человека. Только древние горы, каньоны и его собственные мысли, которые вопреки желанию упрямо возвращались к самому началу этого путешествия — в салон самолета, летевшего в Красноярск.

Максим тогда только занял свое место и краем глаза разглядывал соседку. Девушка сидела прямо через проход от него — сосредоточенная, с невероятно прямой осанкой.

Посадка на рейс была в самом разгаре. По узкому проходу самолета, расталкивая людей, шел крупный, холеный мужчина. На его плече висела объемная, туго набитая дорожная сумка, которой он бесцеремонно задевал по головам и плечам уже сидевших пассажиров, даже не думая извиняться. Проходя мимо Алины, он с силой мазнул этой сумкой по ее плечу, едва не зацепив лицо.

Люди, которых он задевал до этого, раздраженно ругались ему вслед:

— Мужчина, полегче можно?! Аккуратнее с вещами!

— Ну и хамло, хоть бы извинился... — доносилось из рядов.

Но наглец даже не обернулся, собираясь идти дальше. Однако Алина терпеть не стала. Она мгновенно, плавным и отточенным движением перехватила его за запястье. Хватка оказалась стальной — мужчина вынужденно остановился и недовольно обернулся:

— Слышь, девочка, руки убрала! — рявкнул он.

Девушка поднялась. Максим до сих пор помнил ее взгляд — решительный, твердый, не терпящий возражений. В ее осанке промелькнуло что-то военное, глубоко профессиональное. Она не повысила голос, но произнесла слова с такой ледяной интонацией, что у Максима по спине побежали мурашки:

— Извинись перед людьми, которых ты толкнул. И передо мной. Живо.

Наглец открыл было ворчащий рот, но, наткнувшись на этот стальной взгляд и почувствовав, как ее пальцы сильнее сжали его сустав, вдруг осекся. Спесь с него слетела мгновенно. Он сглотнул, буркнул невнятное «извините» и быстро поспешил в хвост салона. Максим тогда мысленно поаплодировал попутчице, а когда самолет набрал высоту, решился заговорить с ней. Так он узнал, что ее зовут Алина...

Максим горько улыбнулся воспоминанию, глядя на искры костра, улетающие в черное ночное небо тайги. Эта мимолетная встреча перевернула все в его душе, но сейчас она казалась сном из прошлой жизни.

Он потянулся за чайником, чтобы налить кипятка, как вдруг воздух вокруг странно сгустился. Волосы на затылке встали дыбом от внезапного статического электричества. В следующую секунду ночное небо над плато раскололось беззвучной, ослепительно-фиолетовой вспышкой...

Тяжелый, низкий гул прокатился над плато Путорана, заставив содрогнуться вековые базальтовые скалы. Максим едва удержался на ногах. В паре километров от лагеря, прямо за темным силуэтом сопки, в небо поднялся столб странного, неестественно густого фиолетового дыма, который медленно рассеивался, оставляя в воздухе едва заметное лазурное свечение.

Закон тайги прост: если что-то случилось — ты идешь проверять. А если кто-то попал в беду — ты обязан помочь.

Максим схватил мощный фонарь, накинул штормовку и двинулся к сопке. Ему пришлось продираться сквозь бурелом и каменистые осыпи около сорока минут. Когда он поднялся на гребень, перед ним открылась картина, от которой перехватило дыхание. Полоса вековых лиственниц была буквально срезана, а в конце этой свежей просеки, глубоко уйдя в каменистый грунт, лежал угловатый, словно высеченный из обсидиана, корпус обтекаемого корабля. От него исходил тихий свист и жар, растапливающий лед.

В проломе обшивки, прямо на обледенелом мху, Максим разглядел фигуру. Сердце бешено застучало в груди, но геолог переборол страх и бросился вниз по склону.

Существо не было похоже на монстров из кино. Оно выглядело хрупким, с тонкими длинными пальцами и кожей, отливающей серебром. Но больше всего Максима поразили его глаза — огромные, полные глубокой, почти человеческой боли и мудрости.

Максим упал на колени рядом с раненым и потянулся к поясу, где на ремне висела походная аптечка. Однако рука его замерла на полпути. Он понял, что бинты и промедол тут не помогут.

На груди пришельца зияла страшная рваная рана, но внутри нее Максим не увидел ни привычных ребер, ни мышц, ни человеческой крови. Вместо этого в глубине грудной клетки существа, словно сложнейший живой механизм, пульсировало полупрозрачное кристаллическое сплетение, заменявшее ему сердце. Этот биологический кристалл был расколот надвое, и сквозь трещины, мерцая, струилась густая светящаяся жидкость, похожая на жидкое серебро. От раны исходил тонкий, едва уловимый запах озона, а сама серебряная субстанция при контакте с ледяным мхом не впитывалась, а заставляла его мгновенно чернеть и превращаться в пепел. Было очевидно: повреждено само ядро его жизни, и никакие земные лекарства не способны склеить этот космический кристалл.

— Держись, приятель... Сейчас, — хрипло зашептал Максим, сбросив куртку и пытаясь хотя бы укрыть существо от ледяного ветра.

Существо посмотрело на него. В этом взгляде не было враждебности — только удивление от того, что дикарь с далекой планеты проявляет к нему сострадание. Инопланетянин понял, что умирает, но его миссия не должна была погибнуть вместе с ним.

С трудом преодолевая судорогу, пришелец протянул свои тонкие пальцы и крепко взял Максима за правую ладонь. Хватка умирающего оказалась удивительно горячей и крепкой . А в следующее мгновение существо подняло свою вторую руку и мягко, но решительно накрыло ею ладонь Максима сверху, замыкая контакт.

В ту же секунду мир для геолога перестал существовать.

По венам Максима словно пустили чистый расплавленный свет. Фиолетовая вспышка ослепила его, но не снаружи, а прямо внутри сознания. В его мозг лавиной хлынули миллионы чужих образов: звездные карты, чертежи неизвестных двигателей, формулы управления гравитацией и фундаментальные законы вселенной. Вместе со знаниями в его тело вливалась невероятная, пульсирующая сила, от которой каждая клетка организма, казалось, перерождалась заново.

Максим чувствовал, как его сознание расширяется, начиная видеть невидимые магнитные поля Земли и тепловые потоки тайги. Но в самый последний момент, перед тем как поток информации иссяк, сквозь мириады ярких звездных формул проступило нечто пугающее. Глубоко в подсознании Максима промелькнула огромная, зловещая и холодная тень. Она росла, словно надвигаясь на планету, но из-за перегрузки мозга геолог никак не мог разобрать её очертания и понять, что это — грядущая катастрофа, тайная организация или нечто из глубин космоса.

Когда ладони пришельца бессильно соскользнули, Максим уже ничего не чувствовал. От перегруженного сознания и напуганный увиденным силуэтом, он рухнул на колени существа и потерял сознание.

Глава 2. Пробуждение чужого

Холод пробирался под свитер мелкими, ледяными иглами, заставляя каждую мышцу тела судорожно сжиматься. Максим резко открыл глаза и хрипло, со свистом вдохнул морозный воздух плато Путорана.

Первые несколько секунд он не мог понять, где находится. Над головой расстилалось низкое, серое утреннее небо севера. Максим попытался подняться, опираясь на руки, и пальцы наткнулись на плотную ткань. Это была его собственная штормовая куртка. Она лежала прямо перед ним — скомканная, покрытая тонкой коркой утреннего инея.

Память мгновенно, безжалостными короткими вспышками выдала ночные события: фиолетовое зарево, обсидиановый челнок, умирающее существо с расколотым кристаллическим сердцем... и то, как он, Максим, бережно укрыл этой самой курткой хрупкое серебристое тело, пытаясь защитить его от пронизывающего ветра тайги.

В панике геолог вскочил на ноги, поспешно натягивая остывшую штормовку, и огляделся вокруг.

— Быть не может... — сорвался с его губ шепот.

Каньон, который ночью принял на себя удар космического корабля, был абсолютно пуст. Не было тридцатиметрового темного корпуса, не было свиста остывающих двигателей. И самого пришельца тоже не было. Даже многовековые лиственницы, которые челнок срезáл при падении, стояли невредимыми, лишь слегка припорошенные свежей порошей.

Но куртка... Куртка, сохранившая слабый, едва уловимый запах озона и серебристые искорки на подкладке, была здесь. Она осталась единственным свидетелем ночного кошмара. Пришелец исчез, забрав с собой корабль, но оставил вещь человека, который проявил к нему сострадание.

«Я не сошел с ума. Это было на самом деле», — пронеслось в голове Максима. Он поднял руки, чтобы протереть глаза, и замер как вкопанный.

Его ладони. На них не было привычных мозолей от геологического молотка, мелких царапин и въевшейся грязи. Кожа выглядела здоровой и гладкой, словно все повреждения затянулись за одну ночь. Но пугало другое: в самой глубине сознания стоял странный, давящий фоновый гул, от которого слегка кружилась голова. В мыслях хаотично проскакивали смазанные, чуждые образы, а перед глазами до сих пор стоял смутный, тревожный силуэт той зловещей тени, что привиделась ему перед обмороком.

Максим не понимал, что произошло, и уж тем более не знал, какая сила и знания скрыты теперь внутри него. Он просто отчетливо, до мурашек ощущал: с ним что-то глубоко не так. Словно под его собственной кожей и в его мыслях поселилось что-то чужое, к чему мозг еще не успел привыкнуть.

Максим сильно зажмурился и тряхнул головой, прогоняя наваждение. Мистика мимикрировала под реальность, но суровое плато Путорана быстро возвращало к земным заботам.

Дыхание вырывалось изо рта густыми клубами пара, пальцы стремительно немели от ледяного ветра.

Сейчас он не думал о глобальном. Он был просто замерзающим, чертовски голодным геологом в глухой тайге, которому нужно было как-то преодолеть два километра по обледенелым скалам и вернуться в свой лагерь, пока не началась настоящая метель.

Максим плотнее перехватил лямки пустого рюкзака, включил мощный экспедиционный фонарь и двинулся по узкой каменистой полке, огибающей склон каньона. Путь к лагерю лежал через нагромождения базальтовых глыб. Дышать становилось все труднее, ледяной ветер со свистом бился о скалы. Желтый луч света послушно выхватывал из предрассветной темноты скользкие, покрытые изморозью камни.

В какой-то момент, когда Максим проходил мимо нависшего скального выступа, мир вокруг него словно замедлился. Он не услышал рычания, не заметил шороха. Но в следующую долю секунды его тело инстинктивно, без всякой команды со стороны разума, налилось бешеной энергией и диким напряжением.

Каждая мышца сжалась как стальная пружина. Прежде чем Максим успел хотя бы сообразить, что происходит, его ноги с невероятной силой толкнули тело в сторону.

Он буквально перелетел через тропу, отпрянув назад и влево. В то же мгновение воздух в том месте, где он стоял секунду назад, с громким свистом рассек крупный серый силуэт. Это была огромная таежная рысь. Пятнистая кошка прыгнула идеально точно, целясь лапами прямо в шею геолога.

Но траектория Максима изменилась слишком резко. Рысь промахнулась и с диким вскриком сорвалась в глубокий каньон.

Максим же тяжело рухнул на спину, больно ударившись плечом о камни. В этот момент зажатый в его руке фонарь с силой приложился о базальтовую стену скалы. Раздался отчетливый хруст — защитное стекло разлетелось в крошево, нить накала оборвалась, и лагерный луч мгновенно погас, погрузив ущелье в кромешную тьму.

Сердце колотилось в горле как сумасшедшее. Максим лежал, хрипло ловя ростом воздух и пытаясь прийти в себя после секундной схватки со смертью. Рука рефлекторно сжала бесполезный кусок пластика и разбитого металла.

Остаться в глухой тайге без света, на обледенелой тропе после нападения хищника — это был приговор. С трудом переведя дух, Максим поднялся на ноги. Он осторожно сделал первый шаг вперед, интуитивно ожидая, что сейчас провалится в черноту ущелья или споткнется о первый же валун. Он прошел пять метров, затем десять... И вдруг замер как вкопанный.

Волосы на голове Максима зашевелились, а по спине побежали ледяные мурашки.

Фонарь был разбит. Вокруг царила глухая ночная тьма. Но он видел все вокруг с абсолютной, пугающей четкостью. Чернота сибирской ночи для его глаз словно перестала существовать. Максим отчетливо различал фактуру обледенелого мха под ногами, видел каждую трещинку на базальтовых глыбах в пятидесяти метрах впереди и мог сосчитать иголки на ветках карликовых лиственниц.

В этот момент фоновый гул в его голове превратился в отчетливый чистый аккорд, и Максим снова, во всех леденящих душу подробностях, вспомнил прошлую ночь. Горячие, длинные пальцы существа, сжавшие его руку, и вторая ладонь, накрывшая их сверху. Это не было сном. Перерожденное зрение кричало об одном: он больше не был прежним Максимом.

Оставшийся путь до базового лагеря он преодолел как в тумане, почти механически переставляя ноги. Изменившиеся глаза вели его сквозь тьму без единой ошибки. По пути Максим лихорадочно обдумывал происходящее, тщетно пытаясь уложить в голове случившееся. Простые человеческие мысли путались, сталкиваясь с пугающей реальностью: его тело обрело звериные рефлексы, зрение пробивало ночную глушь, а глубоко внутри росло четкое, но пока

необъяснимое знание о том, что миру грозит нечто ужасное. И эта холодная зловещая тень из ночного видения теперь казалась осязаемой угрозой.

Когда впереди наконец показался знакомый брезентовый купол палатки у озера, Максим ощутил дикую, свинцовую усталость. Тело, потратившее кучу неизвестной энергии на прыжок и трансформацию чувств, требовало отдыха. Он благополучно добрался. Расстегнув замок палатки, Максим буквально рухнул внутрь, на свой спальный мешок, даже не найдя сил разжечь горелку. Ему нужно было согреться и, самое главное, попытаться осознать, как жить дальше с тем, что теперь скрывалось внутри него

Глава 3. Особый квадрат

Два месяца после той случайной встречи в самолете пролетели для Алины как один затяжной рабочий день. Плановые курсы повышения квалификации при Управлении ФСБ по Красноярскому краю подходили к концу. Позади были недели изнурительных тренировок на закрытых полигонах, лекции по контрразведке и разборы новейших систем спутникового мониторинга. Капитан ФСБ Алина Воронова подтвердила свой высший класс, но вместо возвращения в Москву её ждал совершенно иной приказ.

Утро началось в закрытом аналитическом отделе управления. На огромном настенном экране светилась электронная карта Красноярского края, где в районе Заполярья мигал сплошной красный квадрат, перекрывая почти все плато Путорана.

— Полтора часа назад в этом секторе произошло то, чего наша аппаратура еще никогда не фиксировала, — хмуро произнес полковник, листая файлы на планшете. — Военные спутники раннего предупреждения засекли мощнейший всплеск энергии. Не тепловой, не ядерный. Тип излучения не определен. На тридцать секунд в радиусе пятидесяти километров полностью «ослепли» все радары, и отключилась гражданская метеостанция на Таймыре. Но самое странное другое.

Полковник вывел на экран увеличенный спутниковый снимок каньона, сделанный в инфракрасном спектре за секунду до всплеска. На нем четко выделялся угловатый, идеально симметричный силуэт какого-то крупного объекта.

— Через минуту тепловой след исчез, словно его и не было. Ни взрыва, ни обломков. Иностранные разведки уже стоят на ушах, их спутники экстренно меняют орбиты, чтобы рассмотреть этот квадрат. Москва требует немедленно заблокировать район и выяснить, что это — испытание нового оружия, падение секретного беспилотника или... что-то еще.

Алина внимательно вглядывалась в координаты. Сердце в груди странно екнуло.

— Товарищ полковник, в этом секторе сейчас кто-то есть? — спросила она, сохраняя внешнее хладнокровие.

— Московская геологическая экспедиция. Основной состав они вывезли три дня назад, у них закончился полевой сезон. Но на базе у озера, прямо на границе аномальной зоны, остался один человек для закрытия лагеря. Геолог.

Полковник щелкнул клавишей, и на экране появилось личное дело. С фотографии на Алину смотрел тот самый парень из самолета — Максим. Лицо человека, который два месяца назад всю дорогу от Москвы пытался неумело, но искренне ее рассмешить и чьи теплые глаза она, вопреки своей профессиональной привычке, так и не смогла забыть.

—Капитан Воронова, вы возглавите оперативную группу, — отрезал полковник. — Вертолет на базе в Дудинке уже заправлен. Вылетаете под видом спасателей МЧС. Одежда, документы, легенда — всё подготовлено. Задача — оценить обстановку на месте, найти геолога и выяснить, что он видел. Если это зарубежная провокация или секретные технологии — объект не должен попасть в чужие руки. Вопросы?

— Никак нет, товарищ полковник, — четко ответила Алина. — Вылетаю немедленно.

Уже через двадцать минут в раздевалке управления она сменила привычную форму на плотную защитную куртку спасателя МЧС с соответствующими шевронами. Перепроверив

снаряжение и убедившись, что ни одна деталь не выдает в ней сотрудника контрразведки, Алина направилась к выходу, где ее уже ждала опергруппа.

Глава 4. Сигнал «Омега» Аляска. Объединенная база Эльмендорф - Ричардсон. Аналитический сектор NORAD (Командование воздушно-космической обороны Северной Америки).

В подземном бункере, защищенном метрами армированного бетона, царил полумрак, разрываемый лишь неоновым свечением десятков мониторов операторов. Рядовой дежурной смены, лейтенант Миллер, лениво потягивал остывший кофе, когда его терминал выдал серию коротких, тревожных звуковых сигналов.

На трехмерной сетке радара, контролирующего арктический сектор, вспыхнули две яркие лазурные точки.

— Сэр, у меня аномалия на внешнем периметре, — напряженным голосом произнес Миллер, мгновенно выпрямляясь в кресле. — Высота — сто двадцать тысяч футов. Скорость... Господи, они идут на двенадцати махах.

Старший офицер смены мгновенно оказался за его спиной. К экрану тут же приковались взгляды еще нескольких аналитиков.

На цифровой карте две точки вели себя совершенно неестественно для любых известных земных летательных аппаратов. Они то стремительно сходились в одну точку, словно сливаясь, то резко расходились под углами, которые разорвали бы любого человека от перегрузок. Траектория напоминала безумный танец.

— Это не русские и не китайцы, — прошептал офицер. — На такой скорости они бы сгорели в атмосфере. Что там с транспондерами?

— Сигнал отсутствует, сэр. Полное поглощение радарного излучения. Погодите... они расходятся!

На глазах у замерших военных одна из лазурных точек резко заложила вертикальную свечу вверх, развив немыслимое ускорение, и через секунду просто растворилась за пределами орбитальных датчиков, исчезнув в глубоком космосе. Вторая точка, напротив, клюнула носом и по крутой дуге, уходя от американских систем слежения, понеслась вниз, пересекая международную дату и устремляясь вглубь территории Российской Федерации — прямо в направлении полуострова Таймыр.

Через семь минут шифрованный отчет о фиксации неопознанных объектов с грифом «Совершенно секретно. Особой важности» лежал на столе дежурного генерала в Пентагоне. Американские аналитики мгновенно связали траекторию падения второго объекта и последовавший за этим мощнейший кратковременный электромагнитный всплеск, зафиксированный их спутниками над сибирским плато Путорана.

Решение в Вашингтоне было принято за считанные минуты. Упускать технологии такого уровня, к какому бы государству (или миру) они ни принадлежали, американцы не собирались. Официальный дипломатический путь занял бы недели, а русские уже наверняка подняли по тревоге свои внутренние службы.

Северный Ледовитый океан. Море Бофорта к северу от Аляски. Глубина 150 метров.

Американская атомная многоцелевая подводная лодка четвертого поколения USS Delaware (SSN-791) бесшумно скользила под толщей векового арктического льда. Внезапно в радиорубке субмарины ожил сверхдлинноволновый передатчик, способный пробивать толщу воды. Из Центрального командования пришел короткий закодированный приказ.

В отсеке сил специального назначения раздался сигнал боевой тревоги. Через три минуты восемь бойцов элитного подразделения «морских котиков» (Navy SEALs), прикомандированных к лодке для выполнения арктических миссий, уже стояли в полной экипировке в брифинг-руме. Это были профессионалы высочайшего уровня, натренированные выживать и убивать в условиях экстремального холода и жары, знавшие по несколько языков.

Командир отряда, лейтенант-коммандер Фрэнк «Осьминог» Стивенс, обвел суровым взглядом своих людей.

Стивенс был живой легендой Командования специальных операций ВМС. Сорокадвухлетний хладнокровный уроженец Техаса, он отдал «морским котикам» больше двадцати лет. Фрэнк прошел огонь и воду: начинал карьеру еще в Ираке во время тяжелых городских боев в Рамади (2006), руководил скрытным штурмом пиратского лагеря в Сомали (2012) и лично возглавлял ночную контртеррористическую операцию «Небесный щит» в горах Афганистана, за которую получил Военно-морской крест. Он умел действовать в условиях полной изоляции, а его позывной «Осьминог» закрепился за ним из-за способности контролировать одновременно десяток сложнейших оперативных задач.

Сейчас под его началом находилось тактическое подразделение из семи лучших оперативников: Уоррент-офицер Дэвид «Маэстро» Вэнс — заместитель командира и главный связист. Эксперт по радиоэлектронной борьбе. Именно он отвечал за развертывание портативных спутниковых глушилок, шифрование каналов связи по протоколу «Омега» и взлом гражданских частот. Старший чиф-петти-офицер Маркус «Скала» Тейлор — главный пулеметчик и специалист по тяжелому вооружению. Ветеран операций в Сирии. Двухметровый громила, способный тащить на себе тройной боекомплект и прикрывать отход группы в любых условиях. Петти-офицер 1-го класса Томас «Хирург» Брэдли — боевой медик группы. Парень с железными нервами. Прошел жесткую обкатку в Африканском корпусе, способен заштопать раненого бойца под шквальным огнем прямо в заснеженном окопе. Петти-офицер 1-го класса Кристиан «Призрак» Коул — снайпер и передовой разведчик. Лучший стрелок базы Эльмендорф. Способен сутками лежать неподвижно в снегу в маскировочном халате, выслеживая цель, и работать на дистанциях более полутора километров. Петти-офицер 2-го класса Итан «Сапёр» Райт — главный подрывник (Breacher). Технический гений отряда. Специалист по вскрытию любых запертых объектов, сейфов и бункеров, а также эксперт по неизвестным или инопланетным энергосистемам Петти-офицер 2-го класса Нейтан «Волк» Кросс — штурмовик-скаут. Бывший рейнджер, мастер следопыта в условиях экстремально низких температур Арктики. Петти-офицер 3-го класса Дерек «Юнга» Миллер — штурмовик и самый молодой боец группы. Несмотря на возраст, заслужил уважение Стивенса во время ликвидации укрепрайона радикалов в Йемене.

— Итак, джентльмены, — Стивенс вывел на голографический планшет трехмерную карту обледенелых базальтовых каньонов. — Наш объект упал в глубине плато Путорана. Нам противостоит не только дикая природа Сибири. Кремль гарантированно уже поднял по тревоге свои спецслужбы. Наверняка они уже послали к месту крушения передовые группы контрразведки или военных под стандартной легендой поисково-спасательных отрядов.

Фрэнк облокотился на стол и жестко посмотрел на бойцов.

— Наша задача — зайти в сектор, найти выживших , а также сломанные или уцелевшие технологии, то есть унести всё , что представляет ценное для Пентагона. Правила просты: работаем как тени. Никаких следов, никакого радиообмена на общих частотах. Если натыкаемся на русских — ликвидируем угрозу без шума. Выходим через торпедные аппараты субмарины на подводных буксировщиках *DDS*, берем курс на устье северных рек, дальше — скрытный марш-бросок на снегоходах через тундру. По коням.

Через пятнадцать минут в шлюзовой камере атомной подлодки USS Delaware завершилось выравнивание давления. Наружный люк верхней палубы бесшумно отошел в сторону, и в ледяную черную воду моря Бофорта один за другим выскользнули восемь темных силуэтов. Элитные «морские котики» Пентагона, используя дыхательные аппараты замкнутого цикла, не оставляющие пузырей на поверхности, взяли курс на побережье, устремляясь навстречу бескрайним сибирским просторам. Многоцелевой подводный крейсер остался стоять в глубине

беззвучной стальной скалой — скрытный запуск диверсионной группы прошел в режиме абсолютной тишины, не нарушив покой арктических вод.

Глава 5. Скользящие по лезвию

Зарево полярного рассвета над Дудинкой окрасило бетон взлетной полосы в грязно-багровый цвет. Тяжелые лопасти транспортного МИ-8, замаскированного под ливрею МЧС России, со свистом рассекали морозный воздух, наполняя закрытый десантный отсек плотным, давящим гулом.

Капитан Алина Воронова сидела на жесткой откидной скамейке ближе к кабине пилотов. Плотная куртка спасателя хорошо защищала от холода, но от вибрации корпуса слегка подрагивали пальцы. Алина сидела прямо, удерживая карабин закрепленного между коленей снаряжения, и внимательно осматривала бойцов своей оперативной группы. Профессиональный взгляд контрразведчика автоматически, привычным жестом сканировал каждого из них.

Всю эту группу сформировали здесь же, в Сибири, из лучших оперативников Красноярского управления. Слева от Алины сидел майор Корсаков, назначенный в этой миссии её заместителем. Он лениво жевал зубочистку, проверяя затвор укороченного автомата.

В обычных условиях то, что старший по званию майор беспрекословно подчиняется московскому капитану, вызвало бы массу вопросов, но здесь проводилась операция и командовал тот кого назначили её проводить. С майором их связывало прошлое. Несколько лет назад они уже пересекались в одной из горячих точек — во время сложнейшей контртеррористической операции в сирийском Идлибе. Алина тогда вела аналитическое сопровождение, Корсаков командовал штурмовой группой на самой передовой, где любая ошибка стоила жизни. В критический момент, когда их штабной сектор попал под внезапный, шквальный обстрел боевиков, майор взял ситуацию в железные тиски. Вокруг рушились стены и горела земля, но Корсаков проявил феноменальное, почти пугающее волевое хладнокровие. Не колеблясь ни секунды, он жестко перехватил командование, подавил панику и лично, под непрерывным шквальным огнем, пробил коридор для эвакуации, обеспечив безупречный вывод группы без единой потери.

Именно в том бою Алина на всю жизнь запомнила его несокрушимую, монолитную надежность — Корсаков казался человеком, способным остановить лавину одним своим приказом. Сам майор тогда же впервые оценил её волевой стержень: пока вокруг гибли люди, Алина Воронова с ледяным спокойствием вела прицельный ответный огонь, четко выполняя его самые жесткие тактические команды. Её железные нервы и бескомпромиссная решимость доказали Корсакову, что перед ним не просто штабной офицер, а настоящий боец, готовый идти до конца. Позже, когда Воронова прилетела в Красноярск на двухмесячные курсы переподготовки, они встретились как старые боевые товарищи. За время совместной учебы они окончательно сработались, поэтому сейчас майор без лишних слов принял её командование. В ФСБ должность решала всё, а авторитет Алины для него был непререкаем.

Рядом с Корсаковым проверяли снаряжение связист, прозванный «Клещом», и молчаливый снайпер «Седой» — те самые матерые красноярские волки, с которыми Алина успела сблизиться за время учебы. Чуть дальше расположились четверо молодых лейтенантов-новичков, только окончивших академию. Отряд был сбалансирован идеально: жесткий местный костяк ветеранов и готовая к действию молодежь.

Вертолет резко качнуло, закладывая вираж над скованным льдом руслом Енисея, и взял курс прямо на восток — туда, где за горизонтом вздымались суровые базальтовые стены плато Путорана. Гул двигателей стал ровным, убаюкивающим.

Алина слегка повернулась вбок и прильнула к круглому стеклу иллюминатора. Внизу расстилалась бескрайняя, безмолвная и жуткая в своем величии заснеженная тундра. И только сейчас, когда боевой приказ был отдан, а группа проверена, маска холодного офицера ФСБ дала едва заметную трещину.

Мысли Алины упрямо вернулись к личной карточке геолога, которую полковник показал ей перед вылетом в аналитическом центре. Она прикрыла глаза, и сквозь шум вертолетных лопастей ей отчетливо послышался гул самолета Москва — Красноярск. Алина вспомнила их случайное знакомство два месяца назад. Тот наглый мужчина с тяжелой сумкой, которого она осадила в проходе, и Максима, сидевшего напротив. Он тогда смотрел на нее с таким искренним, немного удивленным восхищением, а потом всю дорогу пытался неумело, но забавно шутить, рассказывая про свои геологические маршруты. В ее жестком, расписанном по минутам шпионском мире этот гражданский парень показался ей просто симпатичным, открытым и интересным человеком, от которого веяло свободой. Она не думала о романах, но с ним было на редкость легко разговаривать.

«Надо же, какая ирония, — подумала Алина, снова вглядываясь в проплывающие внизу белые вершины скал. — Ты улетел в свою глушь, а теперь твой лагерь оказался прямо на границе зоны, где зафиксирован этот аномальный всплеск. Что бы это ни было — сверхсекретный беспилотник или новое оружие, — ты, парень, оказался не в том месте и не в то время».

Внезапно вертолет сильно тряхнуло, а в наушниках шлемофона Алины раздался встревоженный голос пилота:

— Капитан Воронова, у нас проблемы! Приборы зашкаливают, GPS-сигнал пропал. Мы входим в зону сплошного радиоэлектронного подавления!

Алина мгновенно подобралась, отцепляя страховочный ремень, и рванулась вперед, к кабине пилотов. Борт снова швырнуло воздушным потоком, но она удержалась на ногах. Пережав клавишу внутренней связи на шлемофоне, она жестко, перекрывая гул турбин, спросила:

— Пилот, сколько километров осталось до точки высадки?

— Около двенадцати, капитан! — сквозь треск помех отозвался командир экипажа. — Но датчики высоты сходят с ума, гироскопы валятся, радиосвязь с Дудинкой полностью отрезана! Мы идем по приборам, а они мертвы!

В лобовом стекле кабины расстилалась метель, скрадывающая очертания острых базальтовых скал. Медлить было нельзя.

— Сажай вертолет! — ледяным, не терпящим возражений тоном приказала Алина. — Немедленная посадка, прямо сейчас, пока держишь визуальный контакт с землей! В каньонах мы разобьемся. Ищи любую ровную площадку внизу и притирай машину!

Пилот коротко кивнул, врубая ручное управление и бросая тяжелый МИ-8 вниз, сквозь белую пелену, к заснеженному плато...

Глава 6. Охотники в белой пустыне

Ледяная вода Хатангского залива неохотно отпускала американские подводные буксировщики *DDS*. Восемь темных силуэтов в гидрокостюмах арктического класса бесшумно скользили под поверхностью воды, пока глубина не упала до критического минимума. Скрытно, без единого всплеска, группа Navy SEALs лейтенанта-коммандера Фрэнка Стивенса вышла на безлюдное заснеженное побережье Таймыра.

Действовали как единый, идеально отлаженный механизм. Стянув тяжелые маски, бойцы мгновенно вскрыли герметичные контейнеры, доставленные буксировщиками. В них находились портативные арктические снегоходы с электродвигателями — бесшумные призраки тундры, не издававшие почти никаких звуков и не оставлявшие теплового следа для спутников. Через пятнадцать минут отряд Стивенса уже стремительно летел на юг, растворяясь в белой пелене начинающейся метели. Двухсоткилометровый марш-бросок до плато Путорана занял чуть более трех часов. Изменившийся рельеф — отвесные стены базальтовых каньонов и узкие расселины — заставил их спешиться у подножия массивного плато.

— Группа, стоп. Рассредоточиться, — скомандовал Стивенс по закрытому радиоканалу, поднимая руку.

Бойцы в белых маскировочных халатах мгновенно растворились среди заснеженных валунов. Они заняли господствующую высоту на вершине одного из каньонов, откуда открывался идеальный обзор на двенадцать километров вокруг.

Уоррент-офицер Дэвид «Маэстро» Вэнс быстро развернул на плоском камне портативный комплекс радиоэлектронной борьбы AN/MLQ-40. Два штурмовика помогали ему крепить направленные антенны, замаскированные под куски обледенелой скалы.

— Командир, комплекс готов к работе, — тихо доложил Вэнс, сверяясь с показаниями тактического планшета. — Внешний спутниковый периметр под контролем. Сканеры фиксируют остаточное излучение инопланетного челнока в двух милях к югу от нас. Сигнал уходит глубоко под землю, объект явно активировал скрытность. Но у нас гости.

Вэнс указал на мигающий маркер на дисплее:

— С северо-запада идет низколетящая цель. Крупный вертолет. Судя по сигнатуре турбин — российский МИ-8. Идет по гражданскому коридору, но высота и траектория чисто военные. Пытаются прощупать зону крушения.

Стивенс прильнул к мощному тепловизионному биноклю. Сквозь плотную стену ледяной крупы он отчетливо разглядел грузный силуэт вертолета, на борту которого виднелись оранжево-синие полосы МЧС.

— Спасатели, значит... — жестко усмехнулся Стивенс. — Кремль среагировал быстрее, чем мы думали. Но нам нельзя светить эту точку. Вэнс, врубай «глушилку» на полную мощность. Выжги им навигацию и отрежь от базы.

— Есть, сэр. Врубаю сплошное подавление.

Вэнс резко опустил тумблер. Антенны комплекса РЭБ бесшумно повернулись в сторону вертолета, посылая узконаправленный, колоссальный по мощности импульс радиоэлектронного шума. Для электроники летящей машины это было равносильно удару молнии.

Стивенс наблюдал за происходящим через оптику. На его глазах МИ-8, только что уверенно шедший над верхушками карликовых лиственниц, вдруг резко дернулся, словно наткнулся на невидимую стену. Его начало бросать из стороны в сторону. Пилоты явно потеряли управление, гироскопы машины «поплыли», а навигационные огни бешено замигали.

Вертолет клюнул носом, заваливаясь на правый борт, и начал стремительно терять высоту, проваливаясь сквозь белую пелену метели к подножию базальтовой гряды.

— Промахнулись мимо ущелья, — холодно прокомментировал снайпер Кристиан «Призрак» Коул, не отрывая взгляда от прицела винтовки. — Пилот врубил ручной режим. Пытается притереть машину к склону.

В следующую секунду МИ-8 с тяжелым, глухим ударом врезался в глубокий заснеженный наст тундры. От сильного толчка лопасти несущего винта с диким скрежетом рубанули по каменистому грунту, разлетаясь на куски. Корпус вертолета протащило по снегу еще метров тридцать, поднимая гигантское облако белой пыли, пока он окончательно не замер, завалившись набок. Из пробитого бака повалил густой серый дым, но взрыва не последовало.

Стивенс опустил бинокль. Машина МЧС села жестко, не долетев до лагеря Максима те самые двенадцать километров.

— Отличная работа, Вэнс, — отрезал Стивенс. — Русские отрезаны от мира и заперты в тундре. Электроника в их вертолете мертва, пешком по такой метели они будут добираться до цели не меньше суток. А у нас есть фора. Группа, оружие на предохранители. Двигаемся к координатам аномальной точки, пока русские приходят в себя. При обнаружении любых свидетелей в квадрате — действовать по директиве «Омега».

Восемь белых призраков бесшумно скользили вниз по склону каньона, направляясь прямиком к озеру, даже не подозревая, что у самой цели их ждет палатка одинокого геолога.

Внутри десантного отсека МИ-8 мир перевернулся в одно мгновение. Экстренное снижение под углом в тридцать градусов превратилось в неуправляемое падение, когда электроника окончательно сдохла, а левый двигатель захлебнулся металлической крошкой.

Вообще, любой профессиональный пилот — будь то гражданский авиатор или закаленный военный ас — обучен Правилам визуальных полетов. В обычных условиях, если механика исправна, посадить машину при полностью отключившихся приборах вполне возможно, ориентируясь «на глаз» по линии горизонта и складкам рельефа. В истории авиации бывали случаи, когда экипажи творили настоящие чудеса, сажая огромные лайнеры в глухой тайге вслепую. Но сейчас ситуация была критической. Пилоты МИ-8 были лишены главного — видимости. Сплошная стена метели полностью стерла линию горизонта, а мощнейший импульс американской глушилки не просто выключил экраны на приборной панели, он сжег электронные блоки управления двигателями. В таких условиях, посреди острых каменных каньонов плато Путорана, то, что командир экипажа сумел удержать падающую многотонную махину на ручном управлении и буквально притереть ее к склону, было проявлением высшего, нечеловеческого пилотажа.

Удар о заснеженный наст тундры тем не менее вышел сокрушительным. Левый борт машины с жутким скрежетом подмяло под себя. Лопасти несущего винта разлетелись со звуком артиллерийских разрывов, шрапнелью вгрызаясь в обшивку. Корпус завалило набок и с дикой силой поволокло по камням. Бойцов опергруппы сорвало со скамеек. В темноте отсека Алина Воронова почувствовала, как её тело подбросило вверх, а затем наотмашь приложило спиной о переборку. Дыхание выбило из легких, а перед глазами на секунду вспыхнула сплошная чернота.

Машина наконец замерла. Гул турбин сменился шипением выходящего озона, свистом ветра сквозь рваные дыры обшивки и хриплым кашлем десанта. Повалил едкий серый дым.

— Все живы?! На выход, живо! Борт сейчас вспыхнет! — раздался в темноте хриплый голос майора Корсакова.

Алина пришла в себя первой. Острая боль прошила левое плечо, но кости были целы. Кое-как оттолкнувшись от деформированного потолка, который теперь стал стеной, она рванула заклинившую ручку аварийного люка правого борта. Корсаков уже был рядом — навалившись своим мощным плечом вместе с ней, он выбил тяжелую створку наружу. В пролом мгновенно ворвался ослепительно белый свет метели и ледяной воздух.

Выбирались быстро, помогая друг другу. Корсаков первым выскочил на снег, принимая оружие и подхватывая Алину. Следом, кашляя от гари, наружу посыпались остальные бойцы.

Секундный осмотр показал: ветераны отделались ушибами и ссадинами. Связист «Клещ» уже держался за автомат, а снайпер «Седой» хладнокровно отряхивал от снега оптику своей винтовки. Хуже пришлось новичкам: один из штурмовиков-близнецов Васильевых сильно повредил ногу, и медик Пахомов прямо на снегу спешно разрезал его штанину, готовя шину. Пилоты в кабине были живы, но оглушены и заблокированы перекосившей дверью.

— «Клещ», что со связью? Вызывай Дудинку, нужен резервный борт! — Алина перекрикивала свист ветра, осматривая дымящийся остов вертолета.

Связист, сидевший на корточках перед портативной рацией, лишь мрачно покачал головой:

— Капитан, глухо. Радиостанция мертва, резервный блок сгорел при ударе. Но дело не в этом. Я развернул ручной индикатор частот. Частотный диапазон забит сплошным направ-

ленным белым шумом. Это не природная аномалия и не эхо падения. Нас жестко, целенаправленно глушат с земли. Работает военный комплекс тактического уровня.

Корсаков мгновенно изменился в лице. Взгляд его суровых глаз стал ледяным. Он подошел к Алине, пригибаясь от шквального ветра, и тихо, так, чтобы не слышали перепуганные лейтенанты, произнес:

— Воронова, это засада. Мы шли по гражданскому коридору под легендой МЧС, нас не могли ждать. Но кто-то закрепился на плато заранее, ждал авиацию и осознанно срезал нас импульсом РЭБ. Это профессионалы. И они здесь не для того, чтобы спасать геологов.

Алина посмотрела на часы: механика на руке стояла, стрелки замерли. До лагеря Максима оставалось долгих двенадцать километров по пересеченной, заснеженной местности в условиях нулевой видимости.

— Корсаков, пилотов вытащить, оказать помощь. Близнецов и медика оставляем здесь, у вертолета, организуют укрепленную точку, — Алина жестко передернула затвор своего укороченного АК-105, очищая его от налипшего наста. — Все, кто может идти — «Седой», «Клещ», Демин и второй штурмовик — выступаем немедленно. Выдвигаемся в пеший марш-бросок к озеру. Если неизвестная группа уже на плато, Максим в смертельной опасности. Мы должны дойти первыми.

Пятеро бойцов, плотнее затянув капюшоны спасательных курток МЧС, скрывающих боевое снаряжение, цепью двинулись в белую круговерть метели, уходя вглубь базальтовых каньонов Путорана.

Глава 7. Эхо космоса

Максим резко открыл глаза и сел, тяжело и хрипло дыша. Сердце бешено колотилось в груди, словно пыталось пробить ребра, а лоб был покрыт холодной, липкой испариной. Никакой кровати под ним, конечно, не было — он спал на жестком туристическом коврике прямо внутри палатки, натянутой посреди глухой, непролазной тайги на плато Путорана.

Вокруг стояла звенящая предрассветная тишина, нарушаемая лишь едва слышным потрескиванием остывающих углей снаружи. Но перед глазами всё ещё стоял этот кошмар, выжженный на внутренней стороне век с пугающей, детальной точностью.

Он помнил всё до мельчайших подробностей.

Они с Алиной находились внутри странного, обтекаемого зала. Это точно было НЛО — футуристический корабль, устройство которого не поддавалось земной логике. Но самым жутким было не это. Кораблем управлял *он*. Тот самый инопланетянин. Максим отчетливо помнил его гибель, помнил ощущение окончательной, необратимой смерти пришельца всего сутки назад. Но во сне тот стоял у панели управления — живой, здоровый, уверенно и спокойно направляющий межзвездный крейсер сквозь темноту.

Пришелец не оборачивался. Он лишь указал длинным тонким пальцем на огромный панорамный экран, занимавший всю переднюю стену рубки.

Максим вспомнил, как в тот момент подошел ближе и замер, скованный абсолютным, первобытным ужасом. На экране была Земля. Но это была не та голубая жемчужина, к которой все привыкли. Планета была объята яростным, всепоглощающим пламенем. Казалось, багровые языки этого космического пожара достигали самых небес, пожирая атмосферу.

А затем начался финал. Вспышка — и земная кора с глухим, утробным рокотом раскололась на части. От планеты, как куски разбитой чашки, стали отделяться целые континенты, уплывая в ледяной вакуум. В самом центре этого хаоса обнажилось огромное, раскаленное добела ядро. Словно сорвавшись с невидимой цепи, оно полетело куда-то в бесконечную бездну. Там, где еще мгновение назад пульсировала миллиардами жизней Земля, теперь зияла страшная, абсолютная пустота. Черная дыра в мироздании.

Максим потряс головой, прогоняя остатки наваждения, и потер затекшее лицо ладонями.

«Просто сон, — приказал он себе, глубоко вдыхая прохладный таежный воздух. — Просто глупый, кошмарный сон. Мозг окончательно сошел с ума после всего, что пришлось пережить».

С Алиной они еще даже не встретились лично после недавней встречи в авиалайнере. Прямо сейчас она, как он думал, должна была находиться на своем образовательном форуме в Красноярске, а он остался один на базе у озера, чтобы поскорее закрыть лагерь после отъезда остальной геологической экспедиции. Связывать реальность с ночными видениями было глупо. Пора возвращаться к реальности. Здесь, в глухомани, за задержку можно было заплатить жизнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.